

Структура семантико-этимологического поля 'собственность' в русском языке

Ю.С. ИВАНЧИКОВА

Рассматривается семантико-этимологическое поле с понятием 'собственность' в русском языке, исследуются регулярные диахронические и синхронные связи номинаций со значением 'собственность'. Устанавливается ряд узловых понятий, с которыми связаны рефлексы этимологических корней, входящих в состав семантико-этимологического поля 'собственность': 'власть', 'сила', 'интенсивность', 'обилие', 'воля'.

Ключевые слова: собственность, семантика, семантико-этимологическое поле, этимологическое гнездо, рефлекс корня.

The semantic-etymological field with the concept of 'property' in Russian is considered; regular diachronic and synchronous links of nominations with the meaning of 'property' are studied. A number of nodal concepts with which the reflexes of the etymological roots, which are part of the semantic-etymological field 'property': 'power', 'strength', 'intensity', 'abundance', 'will' are determined.

Keywords: property, semantics, semantic-etymological field, etymological nest, reflex of root.

В разные исторические периоды в лингвистической науке предпочтение отдавалось разным методам исследования: одни ученые на первый план выдвигали анализ отдельных языковых единиц или структурных связей между ними, другие занимались изучением исторических изменений в языке или его синхронным состоянием на определенном этапе развития. В настоящее время основным принципом лингвистического исследования признается принцип системности, что объясняется самим пониманием системности языка.

Понятие 'поле' было введено в научный лингвистический обиход Г. Ипсеном в 1924 г. и определялось как «совокупность слов, обладающих общим значением» [1, с. 22].

«Без полного описания всех полей невозможно охарактеризовать системность лексики, выявить особенности системной организации материала» [2, с. 3], в связи с чем полевой подход является одним из ведущих методов изучения словарного состава языка в современных лингвистических исследованиях.

Способы структурирования лексики с точки зрения полевого подхода различны и многочисленны, что подтверждает универсальность данного метода (выделяют, например, функционально-семантические поля, морфемные поля, фонемные поля, словообразовательные поля, лексемные поля, семантические поля, понятийные поля и др.) [1, с. 21]. Безусловно, каждое поле обладает как общими, свойственными всем полям чертами, так и дифференциальными, уникальными характеристиками, отличающими одну совокупность языковых единиц от другой.

О возможности выделения полей на лексико-семантическом уровне языка свидетельствуют обнаруженные на синхронном срезе смежные семантические связи между номинациями, репрезентирующими одно и то же понятие в языке. Данное понятие и выступает в качестве ядра поля.

Сопоставительное изучение деривационного и семантического потенциалов нескольких этимологических корней, продолжения которых на определенном синхронном срезе оказываются семантически соотносительными или тождественными, дает основания говорить о наличии такой разновидности поля, как семантико-этимологическое.

Анализ внутренней формы единиц, обнаруживающих частичное или полное совпадение значений на современном или диахроническом срезе, позволяет установить ряд этимологических корней (гнезд), порождающих лексику поля. Компоненты этимологических гнезд в истории языка и на синхронном языковом срезе обнаруживают регулярные семантические (преимущественно метонимические) связи с базовым понятием, что и позволяет говорить о таком

сложном структурном объединении, как семантико-этимологическое поле. Подобный подход позволяет выявить систему семантических связей ядерного понятия, объединяющего эти гнезда в истории языка, а также закономерности его формирования, т. е. модели мотивации.

Цель работы заключается в выявлении системы семантических связей, характерных для этимологических гнезд, входящих в состав семантико-этимологического поля с ядерным значением 'собственность'.

Ономасиологический подход при исследовании понятия 'собственность' в русском языке позволяет определить целый ряд номинаций, репрезентирующих данный концепт. В лексико-семантическое поле с ядерным понятием 'собственность' в современном русском языке входят следующие лексемы: *добро, имущество; богатство, достаток, достояние, имение, капитал, наследие, наследство, отчина, сбережение, состояние, стяжание, благосостояние, средства (материальные), наличность, актив; движимость, инвентарь, пожитки, скарб, рухлядь, хлам, багаж* [3, с. 143]. Из этого перечня, учитывая степень употребительности, функциональные и стилистические характеристики слов, мы выделили ядро данного поля, в которое входят такие номинации, как *собственность, имущество, владение, богатство, стяжание, добро, состояние*. Нами не рассматриваются слова ограниченного функционального употребления, стилистически сниженные, просторечные слова. Ядерные лексемы восходят к этимологическим корням **seb-//*sob*, **vel-//*vol-*, **im-*, **teg-*, **bog-*, **dob-*, **sta-//*stoj-*. Совокупность этимологических гнезд с данными корнями и составляет семантико-этимологическое поле с ядерным понятием 'собственность'. Рефлексы указанных корней как на синхронном срезе, так и в истории языка обнаруживают регулярные семантические (преимущественно метонимические) связи, установлению которых посвящено настоящее исследование.

Концепт 'собственность' с давних времен привлекал внимание исследователей. А.А. Батяев характеризует *собственность* как «исторически определенный общественный способ присвоения людьми предметов производительного и непроизводительного потребления. Собственность всегда связана с вещью (объектом присвоения), но она не сама вещь, а отношение между людьми по поводу вещи» [4, с. 12]. Таким образом, *собственность* – прежде всего обозначение принадлежности объектов субъектам, определение непосредственного права на владение чем-либо, а затем конкретный предмет собственности.

Лексема *собственность* восходит к праслав. корню **seb-//*sob-*, который, как и праслав. корень **svojь*, является продолжением и.-е. **sue-//*suo-* 'свой'. Индоевропейские темы **se-*, **so-*, **seue-*, **sue-*, **suo-* зафиксированы в греческом языке со значением 'свой', санскр. *svas* 'собственный', *svayam* 'сам' (Черных, II, с. 183); значение этой основы – 'принадлежащий кому-либо' [5, с. 342]. В значении индоевропейского корня и его продолжений заключены, с одной стороны, представления об индивидуализации, обособлении, выделенности, а, с другой, напротив, – включенности в некую общность, в число «своих». По замечанию О.Н. Трубачева, «мы имеем здесь дело со словом огромной не только языковой, но и социально-культурной значимости» [6, с. 163].

Понятие *собственность* предполагает трехкомпонентную структуру: наличие субъекта собственности, объекта собственности и отношения имущественного обладания между ними. При этом имущественное обладание понимается, прежде всего, как возможность осуществления некоторых действий субъекта по отношению к объекту. Действия субъекта обуславливаются его желаниями, эмоционально-волевой установкой по отношению к собственности (отдать, присвоить, сэкономить, растратить и т. д.). Таким образом, можно предполагать, что в компонентах семантико-этимологического поля 'собственность' должна проявиться метонимическая связь с представлениями о *власти* – *праве* и возможности распоряжаться, *повелевать*, подчинять своей *воле* (Кузнецов, с. 135), так как наличие собственности предполагает *обладание, власть* над нею.

В современном русском языке заимствованные из церковнославянского языка исторически родственные лексемы *владеть, власть, владыка, обладать, область* с общим этимологическим корнем **vold-* выступают как вершины самостоятельных словообразовательных гнезд (Тихонов, I, с. 177–178, 682). Этимологически данные лексемы восходят к и.-е. корню **u al-*

//**цел-*, семантика которого реконструируется как 'иметь силу', 'быть сильным', 'хотеть; напирать, давить' (Черных, I, с. 157), т. е. отличается синкретичностью. Номинация *владение* 'территория, принадлежащая кому-либо, находящаяся в чьей-либо собственности' (Кузнецов, с. 135) связана с представлением о силе, влиянии, власти и – как следствие – о собственности обладающего властью, влиянием, могуществом. Ключевым семантическим компонентом при формировании семантики 'собственность' в данном случае оказывается компонент 'обладание'.

В современном русском языке концепт 'власть' обнаруживает генетическую и семантическую связь с концептом 'воля'. Между ними прослеживается метонимическая связь, поскольку *власть* определяется как возможность навязывания своей *воли* другим, вопреки сопротивлению, как право накладывать обязательства и принуждать к действиям. В свою очередь *воля*, помимо сознательного стремления к осуществлению чего-либо, являет собой 'власть, возможность распоряжаться' (Ожегов, с. 300). Таким образом, как уже отмечалось, феномен власти обладает специфической структурой: он включает в себе два противоположных начала – принуждение, или *неволю*, и *свободу* в проявлении чего-либо, то есть *волю*. Данная оппозиция выявляет семантическое взаимодействие таких понятий, как 'свобода' и 'воля', 'власть', 'собственность'.

Рус. *воля* (связано чередованием гласных с *велѣть*, *довлѣть*) 'сознательное регулирование своего поведения', 'настойчивость в деятельности', 'свобода', 'простор' происходит от праслав. **volja*, продолжения которого известны всем славянским, а также другим индоевропейским языкам: лит. *valià* 'воля', латышск. *val* 'сила, власть', нов.-в.-нем. *wollen* 'хотеть', др.-инд. *váras* 'желание, выбор', валлийск. *guell* 'лучше' (Фасмер, I, с. 347–348). Др.-рус. *доволь* 'достаток, имущество' образовано из *до воля* 'до желаемого', от него с суф. *-ын-* образовано прилагательное *довольный* 'достаточный', совр. *довольный* 'внутренне удовлетворенный'. На базе др.-рус. сочетания предлога *въ* с вин. п. существительного *доволь* образовано наречие *вдоволь* 'до полного удовлетворения', 'достаточно' (Цыганенко, с. 67).

Представления о воле изменялись в связи с переосмыслением свободы. Сначала *воля* – всего лишь желание, но желание высокое и светлое, всегда соотношенное с богом. С течением времени слово *воля* стало обозначать любое желание, постепенно утрачивая торжественность величия. Первоначально волей обладал Бог, а не человек, поэтому понятие 'своя воля' (рус. *своеволие*, *своевольный*, польск. *swawola*, *swawolny*) получает в лексике и паремиологии религиозную трактовку и негативную оценку, поскольку *своя* (т.е. личная) воля человека противопоставляется божественной воле, сравн.: *Воля Божья, а судь царевъ; Дай сердцу волю, заведетъ тебя въ неволю* (Даль, I, с. 584); *Gdzie swawola panuje, tam niewinność szwankuje* 'где господствует своеволие, там страдает невинность'; *Swawola wielka niewola* 'своеволие – великая неволя'; *Swawola do cudzowoli wiedzie* 'своеволие ведет к чужеволию' [7, с. 322]. Соотношение воли с личным желанием человека, его правом выбора в дальнейшем становится основой для метонимического переноса, и *воля* становится обозначением уже собственно свободы. Как считает А.Г. Лисицын, сближению значений слов *воля* и *свобода* способствовало наличие в каждом из них пространственного компонента. Этот компонент вышел на первый план и способствовал появлению значения 'мир, где возможна неограниченная самостоятельная деятельность' [8, с. 79].

Г.Ф. Гегель определяет *собственность* отношением воли к вещам. Согласно его мнению, лицо имеет право «помещать свою волю в каждую вещь» [см.: 9, с. 18], которая благодаря этому становится *его* вещью. «В собственности, – пишет он, – моя воля личная. Так как я даю моей воле наличное бытие через собственность, то собственность также должна быть определена как эта, моя» [10, с. 108]. Человек, движимый желанием завладеть вещью, проявляет свободу воли вплоть до крайнего произвола. Таким образом, понятия *воля*, *свобода*, *желание* обнаруживают связь с номинациями, репрезентирующими понятие 'собственность' в русском языке.

Понятие 'власть' объединяется в один семантический блок с понятием 'сила' ('мощь', 'давление') в связи с тем, что *власть* предполагает обязательное наличие субъекта, обладающего ею, и объекта, т. е. того, кто «подвластен», подвергается влиянию, воздействию и приложению некоторых сил (сравн. *завладеть* 'взять что-либо, овладеть чем-либо **силой**,

обманом', 'подчинить своему воздействию, влиянию' (Кузнецов, с. 314)). Следует также отметить, что в древнерусском языке лексема *власть* употреблялась в значении 'сила, могущество': *Съ властяѣ бѣ слово юго*. Евангелие от апостола Луки (Срезн., I, с. 273). В свою очередь, лексема *сила* в текстах XI в. зафиксирована с переносным значением 'власть, могущество': *Богу убо подобное славословие и благодарие въсьли, съвършающууму силу свою в немощи*. Пандект Антиоха XI в. (СРЯ XI–XVII вв., 24, с. 135).

Праслав. **sila* в этимологическом отношении – темное слово. Праслав. значение слова восстанавливается как 'естественная способность к чему-либо', сравн.: укр. *сила*, блр. *сіла*, *асілак* 'силач', болг. *сила*, *силя се* 'силюсь', србхрв. *сила* 'сила', 'множество, масса', *сїлити* 'принуждать', словен. *sila*, *siliti* 'принуждать, заставлять', словац. *sila*, *silak* 'силач', *silit* (*sa*) 'принуждать' (Черных, II, с. 162); др.-рус. *сила* 'естественная способность', 'мощь, сила телесная', 'духовная сила', 'могущество, власть', 'проявление сверхъестественной силы', 'насилие, произвол', 'множество', 'войско', 'народ, племя' (Срезн., III, с. 348–351).

Одно из наиболее ранних представлений о силе, отразившихся в памятниках письменности XI в., связано с физическими качествами, свойствами одушевленного существа: *сила* – 'сила, мощь', 'свойство, качество чего-либо, способность к чему-либо; потенция, сила', 'произвол, притеснение, насилие' (СРЯ XI–XVII вв., 24, с. 133–136). Как следует из словарных дефиниций, эти же представления лежат в основе значений слова и в современном языке: 'способность живых существ к физическим действиям, требующим значительного напряжения мышц' (Кузнецов, с. 1184); 'способность живых существ напряжением мышц производить физические движения, действия'; перен. 'физическое воздействие, насилие' (ССРЛЯ, 13, с. 787), (Евген., IV, с. 91).

Исторические словари фиксируют семантику 'присваивать' у однокоренных глаголов: др.-рус. *сильничати* 'применять силу; отнимать силой' (Срезн., III, с. 352), *насиловати* 'притеснять', 'насильственно обладать, мучить', 'оказывать давление', 'насиловать', 'отнять силой' (СРЯ XI–XVII вв., 10, с. 245), *понасиловати* 'начать притеснять', 'овладеть чем-либо силой' (СРЯ XI–XVII вв., 17, с. 47).

Все этимологические гнезда, входящие в состав семантико-этимологического поля 'собственность', содержат компоненты, связанные с понятием 'сила', что подтверждает системный характер выявленных семантических связей.

Исторически родственные лексемы *владеть*, *власть*, *владыка*, *обладать* этимологически связаны с исходным понятием 'сила', – компонент 'сила', как уже было сказано, один из основных компонентов реконструированного и.-е. корня *ǵal - d(h)-*, к которому восходит о.-сл. корень **vold-* (Черных I, с. 157). В ц.-сл. языке данные лексемы зафиксированы со следующей семантикой: *владѣть* – 'управлять с верховной властью' (СЦСиРЯ, I, с. 132), *власть* – 'право поступать по собственному произволу', 'право повелевать и управлять', 'начальство' (СЦСиРЯ, I, с. 133) (сравн. **voldtǵ > *volstǵ* 'право' (Черных, I, с. 157)), *владыка* – 'верховный повелитель, обладатель, государь' (СЦСиРЯ, I, с. 132), *обладать* – 'иметь в своей власти, царствовать' (СЦСиРЯ, III, с. 15). Продолжения корня прослеживаются в разных языках: лат. *valēo* 'быть сильным; иметь силу; быть в состоянии'; др.-вал. *cinovali* 'сильный как волк' [11, с. 79].

Основное средство выражения обладания в русском языке – глагол *иметь* 'обладать' – восходит через праславянское **jǵmĕti* к и.-е. корню **em-* со значением 'брать'. Понятие 'брать' неразрывно связано с понятием 'нести', эти понятия указывают на взаимообусловленные последовательные действия, направленные на объект присвоения [12, с. 141]. Видимо, в совокупности данные значения могли обусловить развитие у продолжений глагола **bǵrati* значения 'воровать': чеш. *bráti* 'брать, отбирать; воровать', словц. *brat'* 'брать, собирать', 'отнимать, красть', в.-луж. *brac'* 'взять; воровать' (см.: ЭССЯ, 3, с. 162), сравн. также др.-рус. *бѣрати* 'присваивать' (СДРЯ, 1, с. 351), ст.-рус. *бѣрати* 'захватывать как военную добычу' (СРЯ XI–XVII вв., 1, с. 320), которое сохраняется и в XVIII в. ('захватывать, овладевать, завоевывать' (СРЯ XVIII в., 2, с. 130)). В русских диалектах глагол *брать* и его производные имеют значение 'воровать': псков. *брать* 'захватывать рукой, воровать, отбирать силой', *собрать* 'украсть, утащить' (ПОС, 2, с. 153).

В семантике рефлексов корня **em-* обнаруживается связь с компонентом 'сила': *имати* 'брать', 'взимать', 'добывать', 'захватывать', 'задерживать кого-либо', *имение* 'добыча, мзда', *иманье* 'взятие, захват; пленение, плен' (СРЯ XI–XVII вв., 6, с. 225).

Семантический компонент 'сила' имеет также продолжение праслав. корня **teg-*, восходящего к и.-е. **ten-gh* 'тянуть' (Черных, II, с. 278): совр. *тянуть* 'взяв край чего-либо, перемещать к себе с силой, усилием' (Евген., IV, с. 439), *тяга* 'сила, вызывающая перемещение чего-либо; источник такой силы' (Евген., IV, с. 435), диал. *тяжити* 'прилагать силы' (Даль, IV, с. 903), *вытянуть* 'вырвать, украсть, унести' (ПОС, 6, с. 87).

Рефлексы этимологических гнезд **dob-* и **bog-* связаны с представлениями о силе как о физической способности человека, о способе приобретения имущества. Значение прилагательного *добрый* (напр. *добрый молодец*) связано с представлением как о физической силе, так и о духовных качествах – ведь в русской языковой картине мира *добро* есть прежде всего красота внутренняя, духовная. Именно *богатырю Добрыне* Никитичу – герою, являющемуся олицетворением силы физической и силы духовной, – присвоено данное имя собственное. Связь с понятием 'сила', одним из узловых понятий, выделяемых в рамках исследования семантико-этимологического поля 'собственность', обнаруживают и иные производные от основы *доб-*: *доблий* 'крепкий, сильный телом', 'мужественный, геройский', *доблесть*, *доблета* 'мужество, стойкость' (СРЯ XI–XVII вв., 4, с. 256), др.-рус. *добротный* 'отличающийся прочностью', диал. *доб* 'силен, здоров' (СРНГ, 8, с. 72–73), *дебёлый* 'крепкий, прочный' (СРНГ, 7, с. 312), *добый* 'крепкий, здоровый' (СГРС, 3, с. 116).

Нарицательное существительное *добрыня* синонимично др.-рус. лексеме *добрякъ* 'дюжий, здоровый человек' (Срезн., I, с. 231), в семантике которой присутствует компонент 'сила физическая'. Сравним синонимичные производные от корней **dob-*, **bog-*, **vol-*, **sil-*: *добряк* 'дюжий, здоровый человек' – *богатырь* 'силач большого роста и крепкого сложения' – *волот* 'великан, богатырь' [13], др.-рус. *сильникъ* 'богатырь' (СРЯ XI–XVII вв., 24, с. 141).

Количественную оценку *силы* предполагает семантическая категория, «отражающая определенную часть объективно существующих количественных градаций» [14, с. 3], связанная с понятием *интенсивности*, *меры проявления признака*. Ш. Балли отмечал, что «под термином *интенсивность* следует понимать все различия, сводящиеся к категориям количества, величины, ценности, силы и т. п., вне зависимости от того, идет ли речь о конкретных представлениях или об абстрактных идеях» [15, с. 202].

Лексические единицы, входящие в состав анализируемых этимологических гнезд, обнаруживают семантическую связь с данной категорией.

В семантической структуре лексем *богатство* 'большое личное имущество; особо ценный предмет в имуществе; роскошь, пышность', 'множество, обилие; разнообразие' (ССРЛЯ, 1, с. 531–532), *достаток* 'зажиточность' (Кузнецов, с. 279), *состояние* 'имущество, капитал, собственность' (Кузнецов, с. 1241), *добро* 'вещи, пожитки' присутствуют компоненты 'интенсивность', 'обилие', так как значения данных лексем отражают понятие множественности объектов, материально ценных. Количественный показатель является дифференциальным и образует универсальную оппозицию, представленную двумя синонимичными рядами: *богатый*, *состоятельный*, *зажиточный*, *имущий* – *бедный*, *нищий*.

В семантике производных корня **dob-* также присутствует сема 'обилие': *добряк* 'дюжий, здоровый' (Срезн., I, с. 231), *добренький* 'большой по количеству; зажиточный' (СРЯ XI–XVII вв., 4, с. 257), *добрый* 'полный, дородный', *добреть* 'толстеть, жирнеть', (Даль, I, с. 1099–1106).

Рефлексы корней **vel-//*vol-*, **bog-*, **dob-* имеют сему интенсивности ('очень'): *великий* 'очень большой, огромный; выдающийся', *великан* 'человек огромного роста', *великолепный* 'очень хороший, превосходный', *волот* 'очень большой и сильный'; *богатырь* 'очень большой и сильный', *божественный* 'прекрасный, очень хороший'; *добро*, *добре* 'очень, весьма, сильно', *добротный* 'очень крепкий, прочный' и др.

Модальное значение этимологического корня **vel-//*vol-* 'желать, хотеть' предопределило формирование семантического направления 'интенсивность', 'обилие'. Одними из самых древних наречий-интенсификаторов являются наречия, образованные от общеславянского прилагательного с корнем **vel-* **veljъ* 'большой': чеш. *velmi*, *velice*, пол. *wielce*, слвц.

velo, в.-луж. *wjele* ‘очень’ (Фасмер, I, с. 288), блр. *вельмі* ‘весьма, очень’, др.-русск. и ст.-сл. наречие *вельми* ‘весьма, очень’ (СЦСиРЯ, I, с. 110). Объединены семой ‘выходящий за рамки привычного, обычного’ старославянские композиты, один из компонентов которых восходит к прилагательному *велиий* ‘большой’: *велегласити* ‘громко возглашать’, *велелѣние* ‘блистательная красота’, *веледушие* ‘великодушные’, *велемудрие* ‘великая мудрость’, *велеокій* ‘имеющий большие глаза’, *велеумный* ‘одаренный великим умом’ и др. (СЦСиРЯ, I, с. 107–108). Та же сема объединяет слова с корнем *велик*: ст.-сл. *великодавецъ* ‘щедро дарующий’, *великодарный* ‘ниспосылающий великие дары’, *великокрылый* ‘имеющий большие крылья’ (СЦСиРЯ, I, с. 108–109) и др.; совр. рус. *великолепие* ‘пышная, необыкновенная красота’, *великомученик* ‘название, присвоенное православной церковью тем последователям христианства, которые, по преданию, претерпели за веру самые тяжкие мучения’, *величавый* ‘исполненный торжественности, величественный’ (Евген., I, с. 147).

Таким образом, в рамках семантико-этимологического поля ‘собственность’ на основе семантических связей объединяются этимологические гнезда с корнями **seb-//*sob*, **vel-//*vol-*, **im-*, **teg-*, **bog-*, **dob-*, **sta-*. Рефлексы указанных этимологических гнезд обнаруживают тесную метонимическую связь концептуальных для любого общества понятий ‘собственность’, ‘власть’, ‘сила’, ‘интенсивность’, ‘обилие’, ‘воля’, ‘желание’ и ‘свобода’. Исследование семантико-этимологического пространства позволяет выявить типологию регулярных диахронических и синхронных связей номинаций со значением ‘собственность’ в русском языке. Семантико-этимологическое описание поля ‘собственность’ служит средством выявления представлений о собственности, которые носители языка транслируют через язык.

Литература

1. Щур, Г.С. Теория поля в лингвистике / Г.С. Щур. – М. : Наука, 1974. – 256 с.
2. Тихонов, А.Н. Границы и структура лексико-семантического поля / А.Н. Тихонов // Теория поля в современном языкознании : тезисы докладов научно-теоретического семинара (ноябрь, 1993) : в 3 ч. – Уфа, 1994. – Ч. 3. – С. 3–6.
3. Абрамов, Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Н. Абрамов. – М. : Русские словари, 1999. – 431 с.
4. Батяев, А.А. Собственность. Как приобретать и распоряжаться / А.А. Батяев. – М. : Равновесие, 2007. – С. 12.
5. Мейе, А. Имя. Личные местоимения / А. Мейе // Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / отв. ред. Р. Шор. – М.–Л. : Гос. соц.-эконом. изд-во. – С. 264–359.
6. Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян : лингвистические исследования / О.Н. Трубачев. – М. : Наука, 1991. – 272 с.
7. Толстая, С.М. **Svojь* : семантика и аксиология / С.М. Толстая // Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. – М. : Индрик, 2008. – С. 319–328.
8. Лисицын, А.Г. Анализ концепта ‘свобода – воля – вольность’ в русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А.Г. Лисицын. – М., 1995. – 259 с.
9. Шамхалов, Ф.И. Собственность и власть / Ф.И. Шамхалов. – М. : Наука, 2007. – 412 с.
10. Гегель, Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1990. – 528 с.
11. Федько, М. Лексико-семантическая группа власть в восточногерманских и скандинавских языках: формирование и развитие / М. Федько // *Žmogus ir žodis / Svetimosios kalbos (Man and the Word / Foreign Languages)*. – 2014. – Т. 16, вып. 3. – С. 77–83.
12. Пятаева, Н.В. Опыт динамического описания синонимичных этимологических гнезд **em-* и **ber-* ‘брать, взять’ в истории русского языка / Н.В. Пятаева // *Этимология 1994–1996*. – М. : Наука, 1997. – С. 140–147.
13. Иванчикова, Ю.С. О внутренней форме и семантических связях номинаций *волот* и *богатырь* / Ю.С. Иванчикова // *Славянская мифология и этнолингвистика : сб. научн. статей / редкол. : В.И. Коваль (отв. ред.) [и др.]*. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – С. 99–103.
14. Сущинский, И.И. Система средств выражения высокой степени признака (на мат. совр. нем. языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И.И. Сущинский. – М., 1977. – 16 с.
15. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М., 1961. – 394 с.

Принятые сокращения

Даль – Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль ; под ред. проф. Бодуэна-де-Куртене. – 3-е изд. – СПб.–М. : Т-во М.О. Вольф, 1903 – 1909. Репринтное издание: М. : Цитадель, 1998.

Евген. – Словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. А.П. Евгеньева. – М. : Русский язык, 1981–1984.

Кузнецов – Кузнецов, С.А. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.

Ожегов – Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 2003. – 944 с.

ПОС – Псковский областной словарь / Б.А. Ларин. – Вып. 1–24. – СПб., 1967–2015.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера / А.К. Матвеев. – Т. 1–6. – М., 2001–2014.

СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 11 т. / РАН. Ин-т русск. яз.; Р.И. Аванесов, В.Б. Крысько. – М., Рус. яз, 1988–2016.

Срезн. – Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. / И.И. Срезневский. – СПб. : Императорская АН, 1902 г. Репринтное издание: М. : Книга, 1958.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. – Вып. 1–45. – СПб. : Наука, 1965–2012.

СРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. / С.Г. Бархударов, Г.А. Богатова. – Вып. 1–28. – 1975–2008.

СРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII в. / АН СССР. Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Ю.С. Сорокин. – Вып. 1–6. – Л. : Наука, 1984–1991.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / В.И. Чернышев, А.М. Бабкин. – М., 1950–1965.

СЦСиРЯ – Словарь церковно-славянского и русского языка : в 4 т. / сост. 2-е отд-е Императорской АН. – СПб. : Типография императорской АН, 1847. Репринтное издание: М. : Литература, 1995.

Тихонов – Тихонов, А.Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А.Н. Тихонов. – М. : Русский язык, 1985.

Фасмер – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1986–1987.

Цыганенко – Цыганенко, Г.П. Этимологический словарь русского языка: более 5000 слов / Г.П. Цыганенко. – 2-е изд., перераб. и доп. – К., 1989. – 511 с.

Черных – Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П.Я. Черных. – 3-е изд., стереотипное. – М. : Русский язык, 1999.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева, А.Ф. Журавлева. – Вып. 1–30. – М. : Наука, 1974–2012.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 28.02.2018